

Быть красавицей. Молодой, талантливой, умной. Хорошо одеваться, не скрывать своего пристрастия к бриллиантам и мехам. А еще - учиться в одном из престижных «театральных» вузов, у одного из лучших режиссеров и быть отличницей. Головокружительно? Да нет, опасно. Потому что будут завидовать, мешать, не понимать, не принимать всерьез. А бороться придется не только с внешними обстоятельствами, но и собственной самоуверенностью и гордыней. А когда придет успех, выслушивать неизбежное - мол, конечно, при таких данных...

Народная артистка России, режиссер театра «Модернь» Светлана Врагова - живой пример удивительной судьбы, необыкновенной «удачливой» биографии.

- Светлана Александровна, каково, на ваш взгляд, сегодняшнее состояние этого культурного явления - театр?

- Разговор о театре нужно начинать с так называемых «реформ», о которых сегодня столько говорят. Некоторые чиновники все громче заявляют о «необходимости» изменений, реформирований и т. д. Чем объясняют? Да тем же, чем и все остальное, - нет денег, не хватает бюджетных средств. На самом же деле идет такой же передел собственности, что и в других сферах, а чиновникам просто нужны здания, помещения». Итог вполне предсказуем: 20% площади останется на сцену, остальное пойдет в аренду - под кафе и магазины. Именно такие перспективы нам пытаются навязать. И это при том, что сегодня театры в большинстве своем выполняют ту же функцию, что и храмы. А репертуарный русский театр и вовсе эксклюзивен - его не надо «реформировать», его надо развивать.

- Но это - внешние обстоятельства, досадные помехи. А что касается внутренних процессов - режиссура, актерская игра, качество спектаклей...

- Вот именно в связи с «внешним» стало просто опасно говорить о внутреннем. А рассуждать о качественной стороне порой тяжело. Режиссерской смены нет, сильные, серьезные русские режиссеры исчезают, их почти не осталось - также, кстати, практически исчезли русские ученые-физики. Полным ходом в театр шагает любительщина: у нас сегодня каждый первый - режиссер. А когда нет качественной режиссуры, исчезает и актер.

- Правда ли, что люди стали реже ходить в театр? Мне довольно часто приходится слышать от своих коллег: «в театр не хожу», и говорится это чуть ли не с гордостью...

- Вообще люди стали больше ходить в театры. Мой зал пережил потерю зрителя - тогда, в 90-е годы. Но постепенно на смену пришел другой. Да, этот зритель не столь образованный, он приходит поохотаться. Что ж, пусть мы и даем ему поохотиться - но так, чтобы он ушел от нас в слезах. И мы довольны - потому что он уходит не поверхностным человеком, а внутренним, с

Народная артистка России Светлана ВРАГОВА:

Русский народ отчаянно талантлив!

определил сущность театра: вышли двое, расстелили коврик, вот вам и театр.

- Почему «Модернь»? Ведь название обязывает - ждешь обязательно чего-то «эдакого», в стиле «серебряного века», с эпатажем, и «ананасы в шампанском»...

- Мы определили свой стиль как ретроавангард. Мы не случайно поставили «Б» - это наше воспоминание о прошлом. Я очень боялась называться «Модернь», потому что, для того чтобы так называться, надо иметь на это право. Модернизм, модерняшки - это всегда было ругательство при советской власти. Фаина Георгиевна Раневская (рассказывала моя учительница Ирина Сергеевна Вульф), когда первый раз увидела «Счастливейший день несчастливого человека» Эфроса, сказала: «Я у этого модерняшки прыгать по этажеркам не буду». Но потом, когда она стала с ним работать в спектакле «Дальше - тишина», она, конечно, влюбилась в него.

А что касается стиля «сереб-

сегодня нередки случаи, когда театральные актеры уходят «за деньги» - в сериалы. Вам приходилось с этим сталкиваться? Как вы считаете, укоренится ли эта тенденция и насколько она опасна?

- Раневская называла дешевый актерский путь «плевок в вечность». Мне тоже пришлось столкнуться с этим: один из моих актеров ушел сниматься в кино. Понятно, что там больше платят. Только вот сравните: в сериалах он дважды сыграл какого-то незначительного героя вроде массажиста. В театре он играл Распутина - его буквально на руках носили и в Париже, и по всей России - настолько хорошо играл. Возьмите нынешних телезвезд: дежурный красавец сыщик Домогаров в спектакле Андрея Житинкина сыграл Нижинского не просто талантливо - гениально. Трагедия в том, что, с одной стороны, без такой «халтуры» не прожить, а с другой - она выхолащивает душу артиста, творца. Плохо, когда талантливый актер снимается в сериалах. Плохо, когда его в сериалах не зовут - и он сидит без денег.

- А у вас ни разу не было желания сделать кино?

- Я очень серьезно думаю о том, чтобы снять кино - не сериал, само собой, а настоящее хорошее кино. И обязательно

Театр никогда не умрет, он и Адам, и Ева

это сделаю - остановлю работу театра, буду снимать - хватило бы пленки. Есть мечта - снять 7 серий с Рустамом Ибрагимбеков-

вым по нашему с ним спектаклю. Мы вместе ставили «Петлю» - мы в общем-то с ним уже говорили об этом.

- Как вы сегодня понимаете вашу собственную роль, в чем видите вашу задачу?

- Моя задача - поддержать такое явление, как российский репертуарный театр, передать его другим поколениям. Театр - это просветительская функция государства. Это нужно - чтобы народ не превращался в толпу. Театр производит обратное действие - мы толпу превращаем в народ. Пока будем во главу угла ставить экономику, деньги - ничего не выйдет хорошего. Что, как не культура, может помочь экономике? Религия ведь тоже понятие культуры. А мы и христианство выбрали своей религией из театрального инстинкта - оно нам красивым показалось. У русского народа основа менталитета - эстетическое восприятие. Все - через красоту. Того же Достоевского вспомните...

ИЗ ДОСЬЕ

ВРАГОВА Светлана Александровна - художественный руководитель театра «Модернь», народная артистка России. Окончила режиссерский факультет ГИТИСа, руководитель курса - народный артист СССР Ю. А. Завадский. Работала режиссером в Московском театре им. А. С. Пушкина. В 1989 г. С. А. Врагова создает театр-студию «На Спартаковской площади». Первый спектакль молодого театра «Дорогая Елена Сергеевна» по пьесе Л. Разумовской становится событием в жизни театральной Москвы. В 1989 г. с этим спектаклем театр выезжает на гастроли в США, где спектакль признан ведущими американскими критиками как «самое живое и интересное зрелище сезона 1990 г.». В 1995 году Врагова ставит в театре, переименованном в театр «Модернь», спектакль «Катерина Ивановна» по пьесе Л. Андреева, который открывает новую страницу в жизни коллектива. На юбилейном 30-м Белградском театральном фестивале (БИТЕФ) постановка была названа критиками «спектаклем, прокладывающим новые пути».

кто-то с ними репетировал, ставил этот спектакль. Скажу откровенно - я плакала.

- Помните знаменитую фразу из фильма «Москва слезам не верит»: ничего не останется, ни театра, ни кино, одно сплошное телевидение, - как, по-вашему, есть доля истины?

- Театр никогда не умрет, он и Адам, и Ева. Захаров тут жаловался: «Телевидение наступит», - а попробуйте, попадите в его «Ленком». Туда билеты просто так не достанешь, надо за месяц покупать. Как и в любой хороший театр, кстати. У театра бывает депрессия, бывает летаргия, но умереть театр не может. Немирович-Данченко прекрасно и емко

ряного века»... Помните Бунина? «Купил билет на капустник Станиславского. Первый столик справа». Снимались все ряды, ставились столы и начинался великий Новый год, где все хулиганили, с Москвинным, Качаловым, все пили и ели. Это был МХАТ, понимаете? Это был живой, замечательный театр. МХАТ - это тоже стиль модерн. А где играл Константин Сергеевич Станиславский - не в Шехтелевском ли особняке? Это - тоже стиль модерн. Великий русский театр с этого начался. Во времени и стиле модерн возник великий русский театр.

- Светлана Александровна,

Из журнала «Марсельеза», Франция, март 2000 г.: «Актеры театра «Модернь» умеют многое: петь, говорить, танцевать - и это все на высочайшем профессиональном уровне. Ни ангел, ни демон Светлана Врагова в течение десятилетий превращала полуразрушенное здание бывшей хлебной биржи в театральный комплекс с несколькими залами, приспособленными для воплощения идеи «модернистского театра». Врагова свободна. Ее театр, отмеченный «литературой абсурда», - это ее форма протеста против глупости и авторитарности». Жан Буассье, «Марсельеза», 24/03/00.